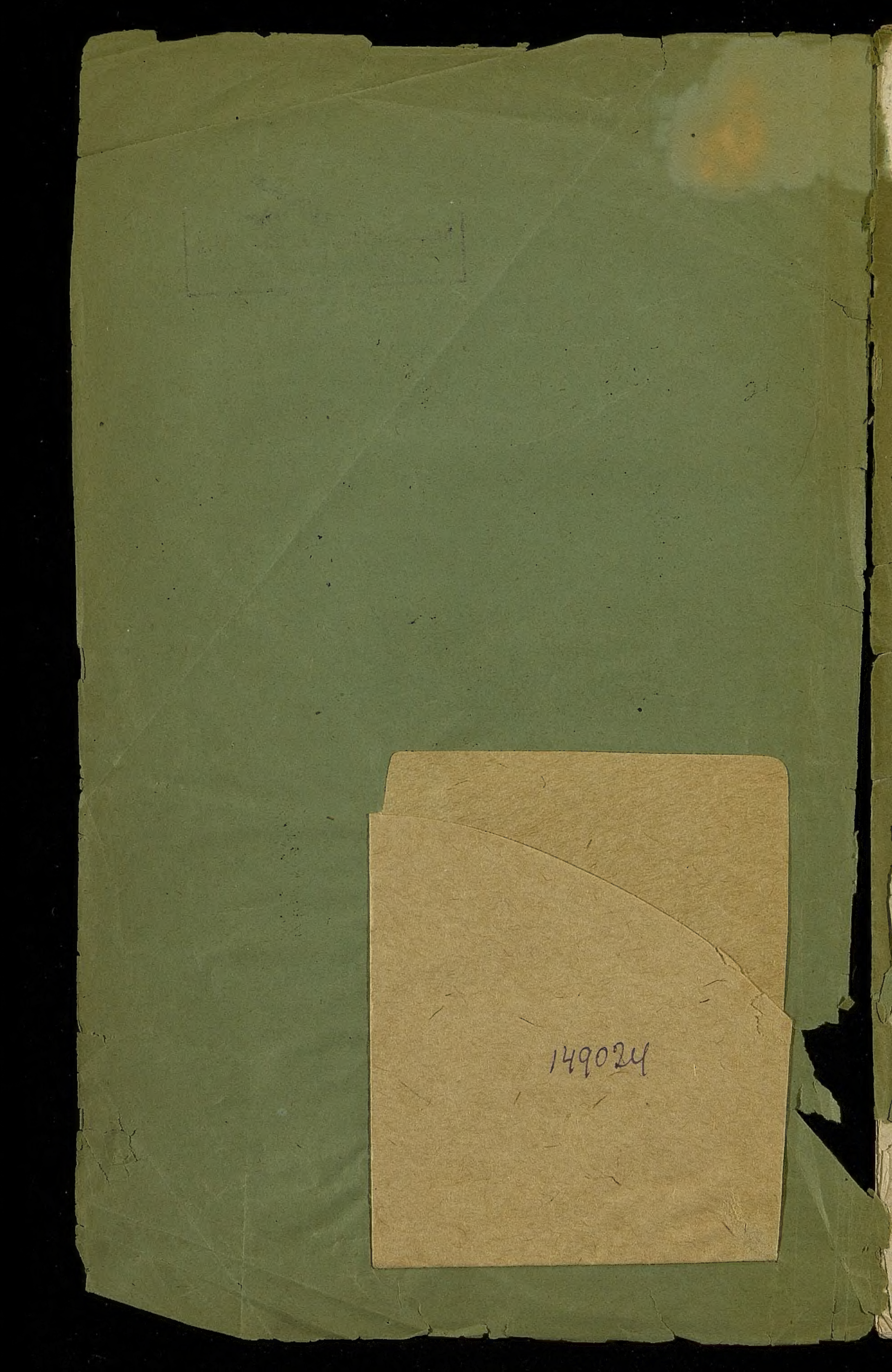
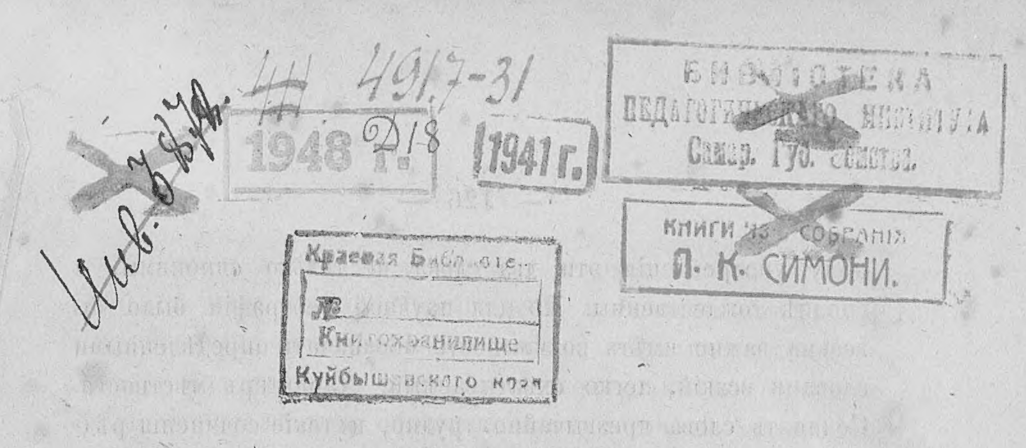
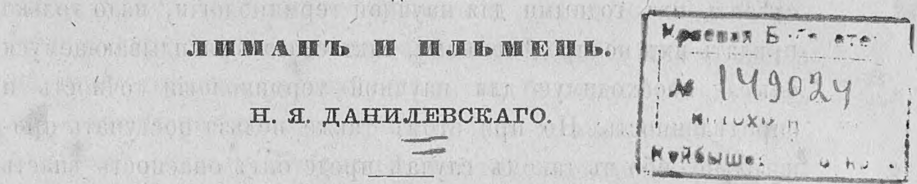

149024

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

О РУССКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГІИ

по поводу словъ:

ЛИМАНЪ И ИЛЬМЕНЬ.

Н. Я. ДАНИЛЕВСКАГО.

Слово *лиманъ* у насъ вообще весьма употребительно также точно какъ и слово *ильмень*, для обозначенія вмѣстилищъ стоячей воды. Значеніе этихъ словъ совершенно не разграничено, какъ между собою, такъ и отъ близкихъ къ нимъ понятій *залива* и *озера*. Такъ какъ такое разграниченіе и опредѣленіе точнаго смысла ихъ и подобныхъ имъ синонимовъ, какъ напримѣръ: *проливъ*, *гирло*, *салма*, *шаръ*; *мысъ*, *лбище*, *носъ*, *наволокъ*, *рынокъ* и т. п. было бы весьма важно для установленія русской географической номенклатуры, то я позволю себѣ здѣсь войти по этому предмету въ нѣкоторыя разсужденія.

Слово лиманъ употребительно по всему прибрежью Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ слово ильмень совершенно неизвѣстно; напротивъ того слово ильмень употребительно у береговъ Каспійскаго моря и по низовьямъ впадающихъ въ него рѣкъ, и тамъ не знаютъ слова лиманъ, такъ что астраханецъ назвалъ бы все извѣстное въ Черноморіи подъ именемъ лимановъ—*ильменями*, а черноморецъ назвалъ бы *лиманами* всѣ приволжскіе ильмени. Слѣдовательно по народ-

ному употребленію эти два слова не только синонимы, а вполнѣ тождественны. Но для научной географіи было бы весьма важно имѣть возможность обозначать опредѣленными словами всякій, легко схватываемый, характеръ мѣстности. Сочинять слова чрезвычайно трудно, и такіе сочиненія рѣдко удаются, потому что рѣдко соотвѣтствуютъ духу языка. Поэтому должно почитать обстоятельствомъ весьма благопріятнымъ, если, для обозначенія сродныхъ между собою понятій, уже существуетъ въ языкѣ нѣсколько названій. Дабы сдѣлать ихъ годными для научной терминологіи, надо только придать ихъ неопредѣленному, такъ сказать расплывающемуся смыслу необходимую для научной терминологіи точность и опредѣленность. Но при этомъ также нельзя поступать произвольно, ибо въ такомъ случаѣ предстоитъ опасность впасть въ совершенное противорѣчіе научной терминологіи съ значеніемъ, придаваемымъ словамъ въ общемъ употребленіи: какъ напримѣръ это случилось съ химическою терминологіею по системѣ французскихъ химиковъ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія, по которой настоящая-то соль и не подошла подъ научное опредѣленіе соли. Это производитъ сбивчивость, которой конечно по возможности желательно избѣгать. Мнѣ думается, что, при присвоеніи научнаго смысла употребительнымъ въ разныхъ мѣстахъ географическимъ названіямъ, полезно бы было держаться методѣ, которую я объясню на примѣрѣ словъ: лиманъ и ильмень.

Хотя эти слова употребляются безразлично для обозначенія всякой поверхности стоячей воды, находящейся въ связи съ рѣками—первое у береговъ Каспійскаго моря, а второе у береговъ Чернаго и Азовскаго морей; однако же эти поверхности стоячей воды въ той и въ другой мѣстности имѣютъ нѣкоторый особый, если и не исключительный, то покрайней мѣрѣ преимущественный характеръ, которымъ другъ отъ друга отличаются. Именно Волжскіе *ильмени* суть по большей части побочныя озеровидныя расширенія рука-

вовъ Волги; а Кубанскіе *лиманы*—морскіе заливы, отдѣленные отъ моря косами. Первое суть исключительно рѣчныя прѣсноводныя образованія, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ фазисѣ ихъ развитія, и потому постоянно имѣютъ прѣсную воду; вторые же суть образованія, въ которыхъ участвовали какъ море, такъ и рѣки, а потому и вода въ нихъ не совершенно прѣсная, такъ какъ через гирла косы смѣшивается съ морскою, но и не столь соленая какъ въ морѣ, потому что разбавляется вливающеюся рѣкою. Если принять такое опредѣленіе, то названія ильмень и лиманъ получаютъ точное и опредѣленное значеніе, какое долженъ имѣть всякій научный терминъ, а между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ это значеніе не будетъ въ противорѣчіи съ народнымъ употребленіемъ: жители Кубанской дельты, продолжая употреблять исключительно слово лиманъ, а жители Волжской—слово ильмень—будутъ однакоже въ большинствѣ случаевъ употреблять эти слова въ томъ именно смыслѣ, который былъ бы признанъ за ними въ наукѣ. Такимъ образомъ лиманъ былъ бы видовымъ понятіемъ относительно родоваго *заливъ*; а ильмень относительно родоваго — *озеро*. Различіе лимана отъ залива вообще заключалось бы въ присутствіи косы, съуживающей входъ изъ него въ море, и такая коса была бы существеннымъ признакомъ лимана; къ этому признаку присоединялся бы большею частію, хотя и не всегда, еще и другой — солонцеватая вода—болѣе прѣсная чѣмъ въ самомъ морѣ. Но если однако рѣка, отгородившая въ взаимнодѣйствіи съ моремъ, свой заливъ косою, впослѣдствіи совершенно бы изсякла, то вдавшійся въ материкъ заливъ, будучи окруженъ болѣе сухою атмосферою и потому сильнѣе испаряясь, могъ бы вознаграждать свою убыль только изъ моря и слѣдовательно разсолъ его долженъ бы все болѣе и болѣе концентрироваться и превзойти соленостью то море, съ которымъ заливъ находится въ соединеніи. Само собою разумѣется, что тоже бы случилось, если бы притокъ

изъ впадающей рѣки сдѣлался меньше избытка испаренія. Такимъ образомъ подъ опредѣленіе *лимана* должны подойти не только называемые уже теперь этимъ именемъ заливы: Курчанскій, Ахтарскій, Бейсугскій, Ейскій, Міусскій, Днѣпровскій, Днѣстровскій, также какъ и заливъ Астрабадскій, озеро Энзелинское и т. п., но и Сивашъ и Карабугазскій заливъ, не смотря на чрезвычайную соленость ихъ воды. Слово *лиманъ* совершенно точно переводилось бы нѣмецкимъ словомъ Haf — и Dnester-haf (Днѣстровскій лиманъ), Dnepr-haf (Днѣпровскій лиманъ), также какъ и Куронскій лиманъ (Kurisch-haf), Прѣсный лиманъ (Frisch-haf) были бы переводами, вполнѣ передающими смыслъ подлинника.

Различіе *ильменя* отъ озера состояло бы въ томъ, что берега озера существуютъ сами по себѣ, совершенно независимо отъ налитой въ нихъ какъ въ чашу воды, и могутъ быть ею только подмываемы или вообще измѣняемы, между тѣмъ какъ берега ильменя никакого самосостоятельнаго, независимаго отъ наполняющей его воды существованія не имѣютъ; — они состоятъ изъ осадковъ той же самой воды, которая и ильмень наливаетъ. Очевидно, что такіе берега не могутъ быть постоянными; иногда ильмень увеличивается, гораздо же чаще быстро уменьшается. Эта быстрота измѣненія ильменей сравнительно съ относительной неизмѣняемостью озеръ, кажется мнѣ, имѣетъ достаточно важное значеніе, чтобы отличить эти двѣ формы особыми именами. При этомъ надо замѣтить, что если ильмень логически, т. е. по опредѣленію даваемому слову озеро, подходитъ подъ это понятіе, то за то генетически между ними нѣтъ никакой связи, и ни озеро въ ильмень, ни ильмень въ озеро перейти не могутъ; связь же эта напротивъ того существуетъ между ильменемъ и лиманомъ, и весьма часто, можно даже сказать всегда, лиманы переходятъ въ ильмени — такъ напримѣръ Ахтанизовскій лиманъ есть настоящій ильмень, хотя не очень давно былъ лиманомъ, соединяясь гирломъ съ мо-

ремъ, и имѣя солонцеватую воду. Мнѣ неизвѣстно иностраннаго слова, которое бы въ точности переводило слово ильмень; ближе всѣхъ подходитъ, кажется, слово *лагуна* — но оно, собственно говоря, равнозначуще понятіямъ лимана и ильменя, не разграниченнымъ между собою, какъ они у насъ теперь употребляются. Лагуны Венеціи настоящіе лиманы; лагуны же Комачіо могутъ быть названы скорѣе ильменями.

Если примѣнить вообще пріемъ, употребленный мною здѣсь, для обращенія въ точные научные термины общеупотребительныхъ, но не имѣющихъ совершенно опредѣленнаго значенія, и собственнаго говоря, тождественныхъ по смыслу своему словъ лиманъ и ильмень;—то кажется можно бы установить точную, научно-географическую номенклатуру, термины которой находились бы въ наивозможно меньшемъ противурѣчіи съ общеупотребительнымъ значеніемъ ихъ. Пріемъ этотъ заключается въ томъ, чтобы: 1) употреблять для научныхъ географическихъ терминовъ—слова уже существующія въ языкѣ; 2) ограничивать смыслъ этихъ, по большей части совершенно тождественныхъ по значенію, словъ, сообразно съ тѣми характеристическими особенностями, которыми отличаются обозначаемые ими предметы въ той мѣстности, откуда заимствовано слово, такъ чтобы въ большинствѣ случаевъ общеупотребительное значеніе словъ совпадало съ научнымъ; 3) если смыслъ названій совершенно тождественъ, или если одно и тоже названіе имѣетъ нѣсколько такъ сказать сливающихся вмѣстѣ смысловъ, избирать то названіе или тотъ смыслъ, который почему либо имѣетъ преимущество на своей сторонѣ.

Возьмемъ нѣсколько рядовъ терминовъ, относящихся къ одному роду названій и разсмотримъ ихъ съ этой точки зрѣнія. Напримѣръ море и его вдавшіяся въ материкъ части обозначаются словами: *море*, *заливъ*, *губа*, *бухта*, *култукъ*, *кутъ*, *фіордъ*, *проранъ*, *лиманъ*. Изъ нихъ заливъ и море имѣютъ два смысла: одинъ общій и другой частный. Въ общемъ

смыслѣ подъ моремъ разумѣется всякій водоемъ, какой бы величины или формы онъ ни былъ, наполненный морскою водою. Такъ видящій предъ собою океанъ, Каспійское море, Финскій заливъ, или Керченскій проливъ, можетъ правильно сказать, что видитъ передъ собою море, и Керчь, Ревель, Баку, Кадиксъ могутъ быть безъ ошибки названы приморскими городами. Также точно въ общемъ смыслѣ заливъ означаетъ вдавшуюся въ материкъ часть моря, какова бы ни была ея величина или форма.—Въ этомъ смыслѣ будетъ правильно назвать и Бенгальскій заливъ и Севастопольскую бухту заливами, — и въ этомъ общемъ смыслѣ обоихъ словъ *заливъ* составляетъ подчиненное, видовое понятіе относительно главнаго родоваго понятія *море*. Но въ частномъ смыслѣ, какъ подъ моремъ, такъ и подъ заливомъ мы разумѣемъ только извѣстной величины и формы части моря вообще, и нерѣдко оба названія смѣшиваемъ, Красное море и Аравійскій заливъ, Адріатическое море и Венеціанскій заливъ, Гасконскій заливъ и Бискайское море. Какое же изъ этихъ общеупотребительныхъ названій правильно? Слова заливъ и море обозначаютъ формы имѣющія столь обширное распространеніе, что конечно не можетъ быть и рѣчи о мѣстномъ употребленіи этихъ словъ. Но предложенное мною правило будетъ соблюдено, если будетъ соблюдена цѣль, для которой оно предложено, т. е. если въ большинствѣ случаевъ общеупотребительное значеніе слова совпадаетъ съ научнымъ. Но въ большинствѣ случаевъ подъ морями разумѣютъ водоемы или почти самостоятельные, каковы Балтійское, Азовское, Черное, Мраморное, Средиземное, Охотское, Японское, къ корымъ не примѣняютъ слова заливъ, или совершенно самостоятельные, какъ моря Каспійское и Аральское. Существенный характеръ моря слѣдовательно есть самосостоятельность, т. е. или совершенное отдѣленіе отъ другихъ морей, или соединеніе съ другими морями или океанами, лишь малое частію всей окружности ихъ. Такое слабое соединеніе не нарушаетъ

самостоятельности моря, ибо, какъ опытъ показываетъ, не смотря на такое соединеніе, вода Азовскаго и Балтійскаго морей заключаетъ въ себѣ приблизительно въ пятеро менѣе соли, чѣмъ вода океановъ, вода Чернаго почти вдвое менѣе, а вода Средиземнаго нѣсколько болѣе чѣмъ океанъ. Напротивъ того большинство собственно такъ называемыхъ заливовъ, какъ-то: Гвинейскій, Бенгальскій, такой самостоятельности не имѣютъ. Слѣдовательно дабы придать выраженіямъ море и заливъ (въ частномъ смыслѣ) научную опредѣленность, и въ то же время какъ можно менѣе нарушить общее разговорное значеніе ихъ, слѣдовало бы дать имъ такое опредѣленіе: моремъ называется наполненный морскою водою водоемъ или вовсе не соединяющійся съ другими такими же водоемами, или соединяющійся съ ними лишь посредствомъ одного или нѣсколькихъ проливовъ и въ такомъ случаѣ Венеціанскій и Аравійскій заливы должны бы называться не иначе какъ морями Адріатическимъ и Краснымъ; а Гасконское море не иначе какъ Бискайскимъ заливомъ. Правда, въ этихъ случаяхъ не дѣлается ни малѣйшаго насилія общему употребленію, такъ какъ всѣ эти водоемы носятъ двоякое названіе и только одно изъ нихъ избирается за научное. Но какъ же поступить съ Бѣлымъ моремъ, Нѣмецкимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ? Тутъ намъ безъ нѣкотораго насилія общему употребленію нельзя бы обойтись, и если бы педантически строго проводить точность научной номенклатуры — въ которой собственно говоря именно въ этихъ случаяхъ, какъ касающихся предметовъ чрезвычайно извѣстныхъ,—нѣтъ и большой надобности; Персидскій заливъ пришлось бы произвести въ море, а Нѣмецкое разжаловать въ заливъ, Бѣлое же раздѣлить на море и на заливъ, какъ это впрочемъ наши Бѣломорскіе мореходы и дѣлаютъ. Они называютъ Бѣлымъ моремъ только южную часть этого водоема до горла, суживающагося у острова Сосновца до 42 верстъ; а расширенную часть его, лежащую между Святымъ носомъ, Канинскимъ носомъ и Горломъ, счи-

9*

таютъ уже океаномъ, что вполнѣ оправдывается характеромъ волненія, приливовъ и отливовъ и фауною, ибо во всѣхъ отношеніяхъ Святой и Канинъ носы ни какой граничной черты не составляютъ, тогда какъ горло составляетъ весьма рѣзкую: и по этому часть моря къ сѣверу отъ горла слѣдовало бы считать заливомъ и называть хоть Бѣломорскимъ заливомъ, въ отличіе отъ настоящаго Бѣлаго моря. Такимъ образомъ удовлетворительно и почти безъ насилія общему употребленію разграничились бы названія, море и заливъ. Но заливъ все еще смѣшивался бы съ губою, съ бухтою.

Принимая опять во вниманіе за какими именно заливами остается преимущественно это названіе, и какіе называются губами, бухтами, какъ напримѣръ: Гвинейскій, Бенгальскій, Бискайскій заливы, Чешская, Мезенская, Кандалакская, Двинская и Онежская губы; Севастопольская, Балаклавская, Петропавловская и т. д. бухты, придемъ къ заключенію, что разница между ними основана лишь на величинѣ, что бухтою называется такой заливъ, весь берегъ котораго можно съ одной точки окинуть глазомъ; заливомъ большія вогнутости материковъ, а губами вогнутости средней величины, которую однако же трудно опредѣлить какимъ либо положительнымъ признакомъ, и ничего другаго не остается, какъ принять за мѣрило тѣ заливы, которые преимущественно этимъ именемъ обозначаются. Слѣдуя этому правилу надо бы называть такіе заливы, каковы напримѣръ Финскій, Рижскій, Керкинитскій и даже Ботническій—губами. Такимъ образомъ для разграниченія понятій: моря, залива, губы составилась бы слѣдующая схема:

Море (въ общемъ смыслѣ), его виды: *океанъ*, *заливъ* (въ общемъ смыслѣ), *проливъ*.

Заливъ (въ общемъ смыслѣ): *море* (въ частномъ смыслѣ); *заливъ* (въ частномъ смыслѣ, т. е. вогнутость моря не имѣющая самостоятельности, но обширныхъ размѣровъ); *губа*, *бухта*.

То, что слова море и заливъ принимаются въ различ-

ныхъ смыслахъ составляетъ конечно неудобство, но избѣгнуть его невозможно, не прибѣгая къ ковапію новыхъ словъ, безъ чего однако весьма можно обойтись.

Но губы бываютъ различныхъ формъ и для обозначенія нѣкоторыхъ изъ нихъ существуютъ отдѣльныя слова. Такъ у насъ есть слово *прорангъ* для обозначенія узкой, но весьма далеко вдавшейся въ материкъ, губы. Тоже самое, если не въ природѣ, то на картѣ, обозначаетъ и получившее у насъ гражданство слово *фіордъ*. Но принимая одно за переводъ другаго, мы точно также лишили бы себя возможности обозначать точнымъ терминомъ двѣ различныя географическія формы, какъ принимая слова лиманъ и ильмень, за совершенно тождественные синонимы. Дѣло въ томъ, что фіордъ есть такой проранъ, который занимаетъ собою узкую, длинную и глубокую трещину въ горахъ и притомъ, какъ кажется, всегда въ горахъ плутонической, а не осадочной формаціи; проранъ же такой фіордъ, который наливастъ собою овраги, т. е. промоины въ равнинѣ съ рыхлою, глинистою, или песчано-глинистою, много что мягкою, каменистою почвою, какъ наши новѣйшія третичныя образованія. Такое разграниченіе смысла словъ фіордъ и проранъ, тѣмъ болѣе важно, что въ Россіи встрѣчаются обѣ формы. Кромѣ прорановъ по сѣверо-западному берегу Каспійскаго моря— этимъ именемъ весьма хорошо могъ бы быть названъ Мертвый култукъ. Настоящіе же фіорды составляютъ нѣкоторыя узкія, длинныя губы, отдѣляющіяся отъ Кандалакской губы, также какъ и Кольская губа.

За тѣмъ, для обозначенія вдавшихся въ материкъ частей моря остаются у насъ, изъ извѣстныхъ мнѣ, еще слова: *култукъ* и *кутъ*. Первое изъ этихъ словъ, не будучи русскимъ —въ тоже время не обозначаетъ собою никакой особой формы или величины залива, и потому пѣтъ нужды принимать его въ нашу географическую терминологію, и онъ долженъ оставаться только какъ приставка въ сложныхъ соб-

ственныхъ именахъ, точно также какъ приставки норъ, куль, су, тау или тагъ. Что же касается до слова кутъ, то оно обозначаетъ не какую либо особую форму или величину залива, а слѣпой вдавшійся въ материкъ конецъ его — и въ этомъ смыслѣ кажется мнѣ весьма удобнымъ для употребленія, и ему могло бы противуполагаться также употребительное у насъ слово горло, т. е. мѣсто входа въ заливъ, губу, или бухту.

Говоря о названіяхъ, обозначающихъ различныя части моря, нельзя не упомянуть еще о превосходномъ географическомъ терминѣ, употребляемомъ у насъ на сѣверѣ, для обозначенія открытаго моря, которое называется *голомя* — соотвѣтствующаго которому мнѣ неизвѣстно ни на одномъ языкѣ. Удобства простаго слова для выраженія этого понятія очевидны. Напримѣръ вмѣсто того, чтобы говорить: сторона острова, обращенная къ открытому морю, архангельцы говорятъ голоменная сторона острова, точно также какъ держи въ голомя, или держись голоменнѣе.

Возьмемъ еще рядъ словъ: *проливъ, салма, шаръ, гирло, виска.*

Салма и шаръ суть полнѣйшіе синонимы пролива, и потому какъ лишніе не должны получать мѣста въ географической терминологіи. Шаръ употребляется правда еще и въ смыслѣ рѣчнаго рукава—но и тутъ не обозначаетъ какой-либо особенности. Можно бы правда отличить въ понятіи пролива нѣсколько оттѣнковъ, какъ напримѣръ, проливъ раздѣляющій материкъ отъ материка, материкъ отъ острова, или островъ отъ острова; или въ другомъ смыслѣ: проливъ представляющій лишь съуженіе моря и проливъ ведущій въ заливъ—въ кутъ неимѣющій выхода—въ этомъ послѣднемъ значеніи можно бы пожалуй употреблять слово горло, но надо замѣтить, что всѣ эти различія суть чисто отвлеченныя и характера самаго пролива вовсе не измѣняютъ—такъ сказать не написаны на лицѣ его, почему и не могли получить особаго обозначенія на языкѣ народа. Другое дѣло

различіе, подобное предложенному нами между фіордомъ и прораномъ, но такого различенія нельзя отыскать въ мѣстномъ употребленіи словъ: проливъ, шаръ и салма — ибо каждымъ изъ нихъ обозначаются всѣ роды проливовъ, такъ что назвавъ, напримѣръ, салмою проливъ между низменными берегами, а шаромъ между гористыми, или наоборотъ, мы поступили бы совершенно произвольно. За то словомъ *гирло* можно бы воспользоваться. Смыслъ этого слова, употребляемаго лишь у Чернаго и Азовскаго морей, чрезвычайно неопредѣленный, расплывающійся, какъ я выразился. Оно имѣетъ слѣдующія значенія: 1) Пролива, какъ напримѣръ, Геническое, Ясенское, Міусское, Ейское, Ахтарское гирла. 2) Фарватера, составляющаго какъ бы продолженіе пролива, такъ, когда говорятъ объ Ахтарскомъ гирлѣ, разумѣютъ не только съуженную часть моря между оконечностью Ачуевской косы и берегомъ, а продолжаютъ его далеко внутрь лимана. 3) Устья рѣки и притомъ, какъ самаго устья передъ расширеніемъ его въ лиманъ или въ море, такъ и самаго рукава рѣки на нѣкоторое разстояніе вверхъ. 4) Въ рукавѣ рѣки самаго русла или стремени. 5) Гирла во множественномъ числѣ обозначаютъ еще совокупность всѣхъ рукавовъ рѣки, протекающихъ по дельтѣ: такъ проѣхавъ Елисаветинскую станицу, ниже которой начинаетъ Донъ раздѣляться на рукава, говорятъ: мы въѣхали въ гирла Дона. Наконецъ 6) гирлами же называютъ и часть моря, составляющую такъ сказать подводное продолженіе дельты, такъ напримѣръ ставъ на мель на пути изъ Ростова въ Таганрогъ, тамъ гдѣ фарватеры или русла ограничиваются уже не низменными берегами дельты, а подводными мелями ихъ раздѣляющими—все-таки говорятъ, мы стали на мель въ гирлахъ Дона. Какое изъ этихъ различныхъ значеній признать научнымъ терминомъ? Я думаю, что именно послѣднее, потому что для выражаемаго имъ понятія термина вовсе не существуетъ, для всѣхъ же прочихъ уже есть названія. Такъ какъ всѣ проливы

Азовскаго и Чернаго морей, называемые гирлами, принадлежатъ къ числу проливовъ между низменными берегами, то можно бы пожалуй придать этому слову и этотъ оттѣнокъ; но такимъ образомъ мы выиграли бы названіе именно только для обозначенія оттѣнка предмета; называя же гирлами подводное продолженіе дельтъ, мы получаемъ терминъ для обозначенія особаго рода мѣстности, вовсе названія не имѣющей.

Слово *виска* употребляется въ восточной части Архангельской губерніи для обозначенія всякаго рода протоковъ, соединяющихъ озеро съ озеромъ, съ моремъ, съ рѣкою. Въ этомъ смыслѣ напримѣръ Нева, Свирь, Волховъ и даже Сухона были бы не рѣками, а висками, но однако же это значеніе придается вискѣ по исключенію, какъ бы по педантической логичности, и его искуственность и нераціональность слишкомъ очевидна, чтобы ее доказывать. Но ограничивъ смыслъ его такими короткими проливами, которые соединяютъ между собою два озера, не имѣя опредѣленнаго теченія, какъ напримѣръ проливъ соединяющій Псковское озеро съ Чудскимъ, мы бы получили географическій терминъ, для различенія озерныхъ проливовъ отъ морскихъ.

Для обозначенія выдающихся въ море или вообще въ водоемъ частей материка, мы также имѣемъ цѣлый рядъ словъ, выражающихъ различные оттѣнки этого понятія, которыми наука также еще не вполнѣ воспользовалась, а именно: *мысъ, лбище, носъ, наволокъ, рынокъ, коса, стрѣлка.* Иностранныя слова: promontorium, Vorgebirge, а также хотя и не столь ясно cap—выражаютъ собою понятіе о вдавшейся въ море горѣ, чего словомъ мысъ, которымъ ихъ переводятъ, вовсе не выражается. Мысъ значитъ только выдающаяся угломъ часть материка, безъ всякаго обозначенія ея спеціальнаго характера. Vorgebirge и стрѣлка одинаково мысы. — Притомъ, сколько мнѣ извѣстно, мысъ, какъ слово имѣющее общее значеніе, нигдѣ въ народѣ не употребляются — слѣдовательно только это общее значеніе и должно бы быть

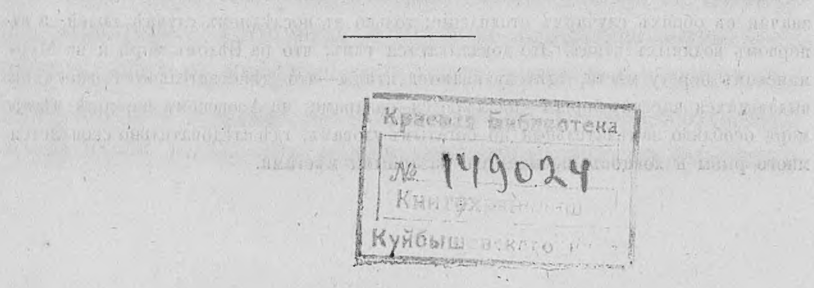
за нимъ сохранено. Выдающаяся въ море гора называется *лбищемъ*, что составляетъ почти буквальный переводъ слова сар, или *носомъ*. Между тѣмъ и другимъ названіемъ, какъ по аналогіи ими выражаемой, такъ и по дѣйствительному народному употребленію очень легко схватить различіе. Лбищемъ называется такая вдавшаяся въ воду возвышенность, которая не представляетъ значительнаго пониженія ея хребта къ оконечности, оканчивается обрывомъ или кручью и притомъ вдается не слишкомъ острымъ угломъ. Такъ напримѣръ Нордъ-капъ или Аю-дагъ въ Крыму были бы лбищами. Напротивъ того носъ вдается узкою полосою далеко въ море, какъ и стрѣлка и съ замѣтнымъ пониженіемъ хребта къ его оконечности. Таковъ напримѣръ Канинъ носъ. Но можетъ и равнинная поверхность вдаваться въ море или просто образовать уголъ при поворотѣ берега. Таковы напримѣръ мысы, къ которому припаяны коса Долгая, да и вообще всѣ мысы Азовскаго моря. Такіе мысы называются на Бѣломъ морѣ *наволоками*, а на Каспійскомъ — *рынками*. Такъ какъ эти названія тождественны по смыслу, то только одно изъ нихъ должно быть оставлено, и по моему мнѣнію надо отдать предпочтеніе первому, какъ потому, что оно весьма характерно и образно;—наволокъ, потому что онъ наволакиваетъ или заволакиваетъ зрѣніе, представляетъ ему предѣлъ, за которымъ берегъ уходитъ изъ виду; такъ и потому что устраняетъ смѣшеніе съ рынкомъ торговымъ (*). Характерный признакъ косъ и стрѣлокъ заключается въ томъ, что онѣ составляютъ не вдавшіяся въ воду части берега, а вдавшіеся въ нее—

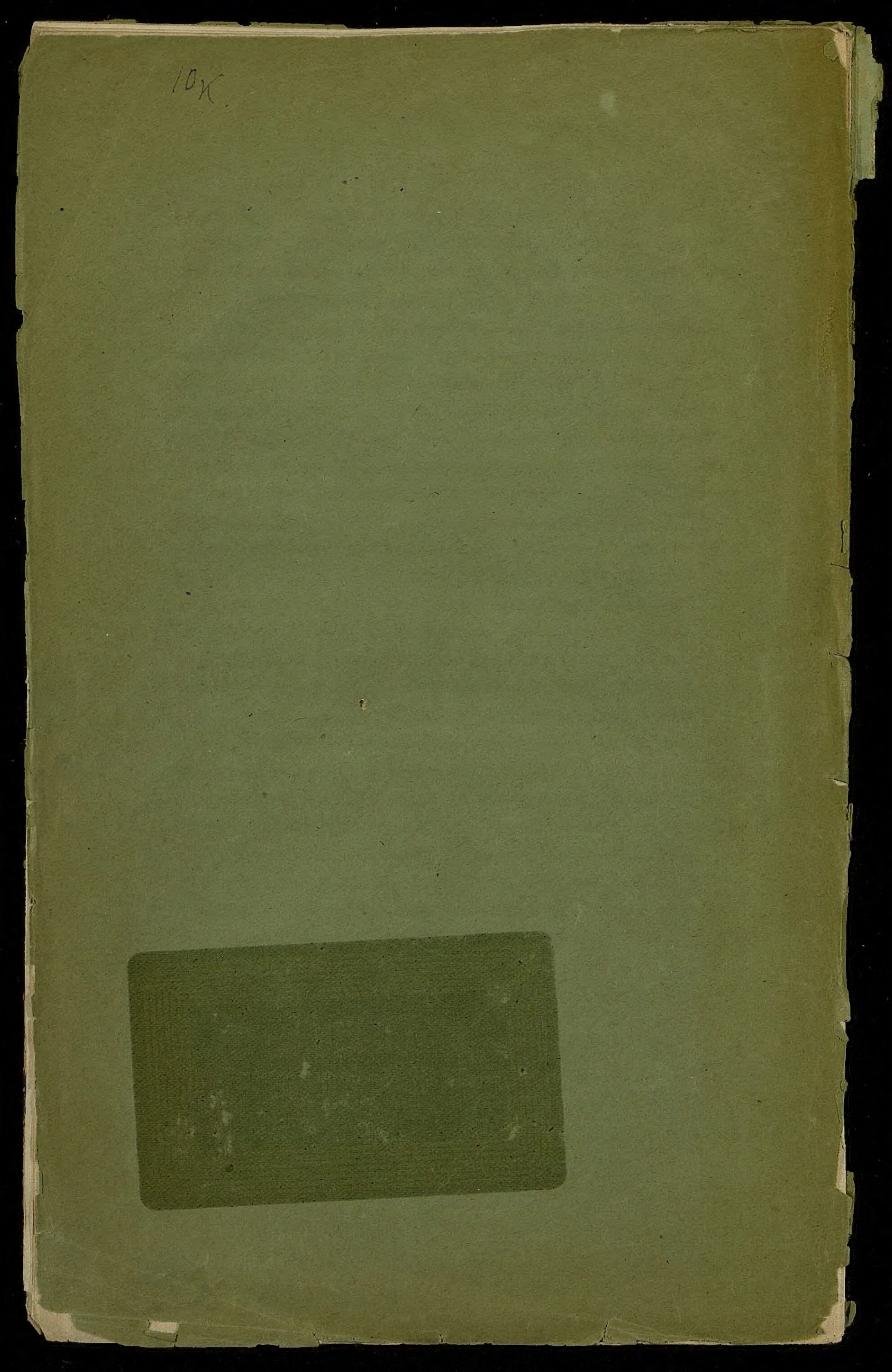
(*) Какъ ни странно эго покажется, однакоже слово рынокъ въ смыслѣ мыса, и въ смыслѣ торговаго мѣста имѣютъ совершенно одинаковое происхожденіе, обозначая въ обоихъ случаяхъ столпленіе: только въ послѣднемъ случаѣ людей, а въ первомъ водяныхъ птицъ. Это доказывается тѣмъ, что на Бѣломъ морѣ и на Мурманскомъ берегу мѣста, гдѣ скучиваются птицы—что дѣйствительно бываетъ на выдающихся частяхъ берега—называются базарами; на Азовскомъ же морѣ мѣста моря особливо замѣчательныя по богатымъ уловамъ, гдѣ слѣдовательно скопляется много рыбы и ловцовъ, называется базарными мѣстами.

ею самою образованные намывы или наметы, такъ что между косами и стрѣлками и прочими видами мысовъ тоже различіе, которое по данному выше опредѣленію существуетъ между ильменемъ и озеромъ.

Мнѣ бы хотѣлось представить еще примѣръ изъ горныхъ формъ, но мнѣ не случалось бывать въ такой горной странѣ, которая издавна была бы обитаема русскими, что можно найти только въ Сибири или на Уралѣ. Ограничусь въ этомъ отношеніи однимъ замѣчаніемъ. Вершину Крымскихъ горъ составляетъ равнина, въ нѣсколько верстъ шириною. Эта равнина называется *яйлой*, т. е. пастбищемъ. Но какое намъ дѣло до татарскаго значенія слова, и почему бы не употребить его вообще, для обозначенія равнинъ или плоскостей такъ сказать срѣзывающихъ горныя вершины, но не достаточно обширныхъ, чтобы называться плоскими возвышенностями или плоскогорьями. Мы могли бы тогда сказать что Гунибъ или Столовая гора на мысѣ Доброй Надеждѣ суть *яйлы*, какъ говоримъ, что Тенерифская гора есть пикъ. Слово *плато*, или правильнѣе (насколько это возможно) *плято*, также не можетъ замѣнить слова *яйла*, потому что оно неопредѣленно, и одинаково относится какъ къ Средне-азіатской возвышенной равнинѣ, такъ и къ небольшой горѣ съ плоскою вершиною.

Этихъ примѣровъ, кажется мнѣ, будетъ достаточно для уясненія моей мысли о томъ, какъ можно бы пользоваться народными географическими названіями, для перевода ихъ въ точные научные географическіе термины.

10к.